

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Г. Н. Мокшин

КОНЦЕПЦИЯ “РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ” В ПУБЛИЦИСТИКЕ В. П. ВОРОНЦОВА

Идеолог реформаторского народничества В. П. Воронцов (1847—1918) вошел в историю русской общественной мысли как один из первых экономистов, обосновавших теорию о невозможности и даже “вредноносности” развития капитализма в России. По общему признанию отечественных и зарубежных историков, эта теория укрепила веру русской интеллигенции в ее антикапиталистические идеалы. “Это был умственный подвиг высшего класса, и в следующие два десятилетия он служил главной линией обороны народнической веры”¹. Гораздо меньше внимания исследователи уделяли тем выводам, которые сделал Воронцов из своего экономического учения относительно социальной природы русской интеллигенции и ее роли в общественной жизни России пореформенного времени.

Дело в том, что еще в 80—90-е гг. XIX в. взгляды В. П. Воронцова на русскую интеллигенцию, подробно изложенные в книге “Наши направления” (СПб., 1893), подвергались серьезной критике как самими народниками (Н. К. Михайловский), так и их идейными противниками (А. Н. Пыпин, Д. А. Тихомиров, Г. В. Плеханов и др.). Современники, в частности, отмечали смутность и противоречивость суждений “В. В.” (литературный псевдоним В. П. Воронцова) об интеллигенции. С одной стороны, он неоднократно доказывал, что русская интеллигенция — это бессловная общественная сила, способная “тащить” историю в направлении общечеловеческого прогресса, с другой — критиковал ее за приверженность интересам господствующих классов и бессилие в качестве самостоятельного руководителя общественного развития. Главный же упрек в адрес публициста со стороны прогрессивной печати касался недооценки им значения политической борьбы с самодержавием, вследствие чего историческая роль интеллигенции сужалась до содействия умственному развитию народа².

Таким образом, еще при жизни В. П. Воронцов приобрел репутацию идеолога “ортодоксального” народничества, чьи ори-

гинальные экономические взгляды находились в разладе с его крайне умеренной политической позицией. Как писал Е. А. Соловьев, “В.В.” подобно И. И. Каблицу-Юзову “боится” интеллигенции, не доверяет ей роли учителя трудящихся масс³.

Особый вклад в дискредитацию общественно-политических взглядов В. П. Воронцова внесла марксистская историография. Идеи наследники В. П. Плеханова и В. И. Ленина на протяжении нескольких десятилетий доказывали антиисторизм и субъективизм его учения об обществе и возможных путях его эволюции⁴. Заметим, что марксистские оценки идейного наследия Воронцова, безусловно, имеют свои резоны, но, на наш взгляд, грешат недопустимой для научного исследования тенденциозностью. Поэтому лишь в конце прошлого века (уже постмарксистскими историками) на основании анализа полемики “В.В.” с Н. К. Михайловским, А. Н. Пыпиным и тем же И. И. Каблицем был сделан вывод о невозможности отождествления Воронцова с идеологами ультраправого народничества, так как он не только не принижал общественного значения интеллигенции, но и отводил ей роль авангарда прогрессивного движения⁵.

В настоящее время благодаря исследованиям В. З. Дворкина, Б. П. Балуева, В. А. Малинина, В. В. Зверева, Д. Д. Жвани и др. В. П. Воронцов признан одним из главных разработчиков народнического учения об особой миссии русской интеллигенции⁶. Однако далеко не все ключевые положения его концепции интеллигенции получили должное освещение, поскольку ни один из названных выше ученых не ставил перед собой такой задачи. В данной статье мы попытаемся хотя бы отчасти восполнить этот пробел, сосредоточившись на следующих вопросах: 1) что такое русская интеллигенция — класс или особая внеклассовая сила; 2) каковы ее отличия от западноевропейской интеллигенции; 3) роль русской интеллигенции в общественной жизни России. Кроме того, мы рассмотрим вопрос о причинах двойственного подхода В. П. Воронцова к проблеме интеллигенции в целом.

Итак, представляла ли русская интеллигенция отдельный общественный класс? Определенного ответа на это у Воронцова действительно нет. Все зависело от того, каким критерием руководствоваться, давая определение интеллигенции: социально-культурным или социально-этическим.

Первый подход используется В. П. Воронцовым при характеристике так называемой “исторической” интеллигенции. Она

появляется на определенном этапе развития общества как следствие разделения умственного и физического труда и имеет свои специфические культурно-просветительские функции⁷. В данном значении интеллигенция — это “класс лиц”, профессионально занятых умственным трудом в самых различных сферах человеческой деятельности (литературной, научной, врачебной, преподавательской, инженерной, адвокатской и т.п.). Обязательным условием принадлежности к исторической интеллигенции было наличие высшего образования. По этому критерию офицеров и священников, имеющих соответственно высшее военное и богословское образование, Воронцов относил к интеллигенции, а учащихся средних сельскохозяйственных учебных заведений — к верхнему слою “низшего”, т.е. физического труда⁸. По своему социальному происхождению интеллигенция примыкала к господствующим классам (образованному меньшинству общества), пользовалась их привилегиями, обслуживала их культурные потребности, защищала их сословные интересы и, следовательно, “весьма часто действовала против интересов трудящихся масс”⁹.

Таково первое определение Воронцовым интеллигенции, в котором специально подчеркивается сословие-классовый (дворянско-буржуазный) характер ее происхождения и деятельности.

В неэкономических работах “В.В.” обосновывается и еще одно — социально-этическое — понятие интеллигенции. По его мнению, интеллигенция в истинном смысле этого слова есть “класс лиц, преданных идее, заботящихся только об истине, класс по существу бессословный” и потому способный выработать в себе критическое восприятие окружающей действительности с позиции “известного” высоко нравственного общественного идеала¹⁰. Отмеченные черты делают интеллигенцию важнейшим фактором социальной эволюции, по крайней мере на ее первом этапе, когда обладание знанием является привилегией меньшинства общества. Разумеется, Воронцов имеет в виду не всю интеллигенцию, а социально активную ее часть, которая не только видит неурядицы в обществе, но и стремится их устранить. С этой точки зрения интеллигенция “не может быть причислена к определенному классу, а должна считаться выразительницей общего интереса, представительницей идей правды и истины, доступных ее времени”¹¹.

Рассматривая интеллигенцию как класс и одновременно внеклассовую общественную силу, В. П. Воронцов тем самым подчеркивает двойственность ее положения в обществе. Речь идет о противоречии между задачами интеллигенции как представите-

ля всего народа и характером ее деятельности, обусловленным принадлежностью к одному классу. Если интеллигенция действует *сознательно* (в соответствии со своими общечеловеческими идеалами), то она стремится “обнять социальные явления с точки зрения общей, идеальной”. Однако в силу недостаточности знаний (о своем истинном предназначении), под влиянием личного интереса и среды, интеллигенция гораздо чаще действует *бессознательно*, т.е. подменяет стоящие перед ней идеальные задачи частными и классовыми¹². Впрочем, последнее обстоятельство не всегда мешает интеллигенции осуществлять свою социально-реформаторскую функцию. На примере Европы Воронцов делает вывод, что интеллигенция обычно примыкает к самому сильному и передовому общественному классу, интересы которого в целом совпадают с интересами прогресса и основного населения страны¹³.

В более сложном положении оказывается интеллигенция тех стран и народов, чье историческое развитие проходит по другому сценарию. В качестве образчика Воронцов называет Россию, где класс, способный сыграть роль двигателя поступательного развития общества, так и не сложился. Данное обстоятельство привело к формированию здесь, примерно с конца XVIII в., так называемой общественной интеллигенции, которая в следующем столетии превратилась в относительно самостоятельный и независимый фактор социальной эволюции России. Благодаря просветительскому влиянию Запада и собственному нравственному развитию русская интеллигенция “переросла открытое преследование своих классовых интересов”. Сумев самостоятельно отделить общечеловеческие идеи своих европейских учителей от их сословно-буржуазной оболочки, она первой открыто объявила себя главным защитником интересов многострадального русского народа¹⁴.

По мнению В. П. Воронцова, каждая национальная интеллигенция имеет свои особенности, связанные с культурно-историческими условиями ее образования и развития, а также с теми общественными задачами, которые она призвана решать. Какими же характерными чертами обладали представители русской интеллигенции?

“Русская интеллигенция, в отличие от западноевропейской (прошлого времени, когда народ еще не выступил в роли активного агента истории), характеризуется *особенным демократизмом* воззрений, большим вниманием к нуждам народа и проявляющимся в ней стремлением отнестись к народной стихии как к

основному началу нашего развития, стремлением искать центр тяжести или точку развития не в привилегированных классах, а в массе трудящегося народа”¹⁵. Народолюбивый характер отечественной интеллигенции Воронцов, как уже отмечалось выше, связывал со слабостью господствующих классов России, их неспособностью стать руководителем социокультурного развития страны.

Еще современники Воронцова высказывали недоумение по поводу его попытки объяснить “тягу” интеллигенции к народу слабостью и неразвитостью образованного русского общества. Например, М. А. Протопопов писал, что “В.В.” “вопреки логике, приводит эти свойства интеллигенции в совершенно нестижимую связь. Можно сказать: наша интеллигенция неспособна, хотя демократична, но нельзя говорить: наша интеллигенция неспособна, потому что демократична”¹⁶. В данном случае критики “Наших направлений”, видимо, в пылу полемики, исказили одно из главных положений народнической доктрины Воронцова, устанавливающей отношения между социальным творчеством интеллигенции и общественными задачами той страны, к которой она принадлежит.

Согласно учению В. П. Воронцова, новые формы общественного быта не могут претворяться в жизнь по плану, выработанному в кабинетах ученых-интеллигентов. Одна Великая французская революция представляет достаточный материал для убеждения, что “путь изменения существующих форм быта путем противопоставления им образцов, построенных абстрактно, весьма шаток и ненадежен”. “Правильная теория грядущей действительности, — продолжает Воронцов, — может быть выставлена при условии, если основы новой формы намечены жизнью и если обоснователи теории принадлежат... к тому именно общественному слою, который является активным агентом в фактически развивающемся процессе смены одной формы другою; иначе говоря, если теория лишь систематизирует и обобщает то, что создается коллективной деятельностью класса”¹⁷. В Европе таким классом стала буржуазия. В России, по глубокому убеждению нашего народника, им могло и должно было стать общинное крестьянство с его задатками более высокого, чем в капиталистической Европе, типа общественных отношений. А потому основная задача русской интеллигенции состояла в превращении крестьянства в активную и сознательную силу исторического прогресса¹⁸.

Умаляла ли данная постановка Воронцовым вопроса об обще-

ственной роли русской интеллигенции ее действительное общественное значение? Ведь и известный критик созидательных способностей интеллигенции И. И. Каблиц-Юзов доказывал, что ее главная задача — удовлетворение коллективных желаний народа “в том виде, в каком они уже успели сформулироваться, помимо всякого влияния интеллигенции”¹⁹.

Для правильного ответа следует учесть, что со студенческих лет В. П. Воронцов был последователем учения П. Л. Лаврова о “критически мыслящих личностях”. Интеллигенция, по Лаврову, это та часть населения данной страны, в которой пробудилась потребность развития. Настоящим интеллигентом мог стать даже простой крестьянин и ремесленник (т.е. человек физического труда), как только он перестанет мыслить и жить по заветам старины, обычая или по требованиям властей, как это делал человек рутины, традиции, привычного уклада жизни²⁰. Та же идея получила развитие и в работах Воронцова. “Главная сила интеллигенции, как показывает и буквальный смысл самого слова, заключается в ее *критической мысли*, в идеях, вырабатываемых ею, в знании, источником которого она служит. Важнейшая ее функция поэтому заключается в просветительском влиянии на общество и в руководстве последним в случае проявления общественной самостоятельности”²¹.

Основное отличие Воронцова от Лаврова заключается в том, что он не верил в возможность поднять крестьян на вооруженное восстание без идеи “мужицкого” царя (под эгидой революционной партии), о чем прямо писал в газете “Вперед!” в апреле 1876 г.²² Для того чтобы народ осознал себя силой, способной выступить против “враждебного ему государственного порядка”, так сказать, от собственного лица, а не во имя доброй и справедливой царской власти, по убеждению Воронцова, необходимо было предварительное воздействие на политическое мировоззрение народной массы с целью организации ее в самостоятельную общественно-политическую силу. Решение этой самой трудной задачи прогрессивной русской интеллигенции В. Л. Воронцов, как идеолог умеренно правого крыла легального народничества, предлагал начать с развития экономического и правового сознания народа. Только на почве борьбы за удовлетворение своих повседневных нужд крестьянин мог понять, какие средства нужны для обеспечения его благосостояния, задуматься над необходимостью политических преобразований в России²³.

Сказанное выше означает, что В. П. Воронцов, несмотря на все его призывы решать не политические проблемы, а открыть

дорогу экономическим преобразованиям, вовсе не был “аполитичным мыслителем”, как это нередко утверждалось в исследовательской литературе. Можно также посмотреть его статьи 900-х гг., через которые красной нитью проходит требование замены самодержавно-бюрократического строя на демократический²⁴. В легальной публицистике Воронцова более раннего времени этого, конечно, нет по причине отсутствия у интеллигенции реальной опоры для открытого противостояния с полицейским государством. Бороться с обветшалыми политическими формами путем физического насилия — удел класса, обладающего достаточной общественной силой, а не горстки интеллектуалов, чье подлинное оружие не бомбы, а знание. Отрицать это, говорит Воронцов, значит не только не понимать ни механизма прогресса, ни исторической роли интеллигенции, но и бесплодно растрчивать эту драгоценную умственную и нравственную (не физическую!) силу²⁵.

Особое место в концепции русской интеллигенции В. П. Воронцова занимала проблема ее взаимоотношений с народом. По мнению народнического публициста, у русского крестьянства и демократической интеллигенции (значительную часть которой составлял “умственный пролетариат”) были общие интересы и идеалы²⁶. Но чем больше Воронцов писал о необходимости объединения представителей умственного и физического труда, тем сильнее сомневался в возможности его осуществления в ближайшем будущем.

Века крепостной неволи приучили мужика не доверять “раскаившемуся” интеллигенту (по сути оставшемуся для него барином). Взаимопониманию между ними в еще большей степени препятствовала разница в образовании и самом складе мысли. “Народ, — замечает Воронцов, — имеет религиозные, космологические, общественные и др. понятия, радикально противоположные взглядам интеллигенции”. Последняя выработала свое мирозерцание критическим отношением к традициям, светским и религиозным авторитетам, которые по-прежнему сохраняли силу над сознанием русского крестьянства²⁷. Не случайно еще в середине 1870-х гг. Воронцовым выдвигается идея создания “народной интеллигенции” как естественного посредника между передовой интеллигенцией из привилегированных классов и трудящимися массами. Таким образом исчезли бы преграды для их непрерывного взаимодействия; интеллигенция получила бы, наконец, возможность узнать действительные нужды своего народа и привлечь широкие массы к общественной самодетель-

ности, служащей залогом непрерывного движения страны по пути прогресса²⁸.

Особенно остро проблема раскола интеллигенции и народа звучала в начале XX в. — в эпоху политического пробуждения масс. В 1905 г. крестьянство впервые заявило о себе как о самостоятельной политической силе, способной при наличии опытных руководителей повлиять на дальнейший ход развития страны. Стихийный характер крестьянского движения и последующее поражение первой русской революции наглядно свидетельствовали, что новая историческая сила (из лучших представителей народа и внеклассовой интеллигенции), о необходимости появления которой писал в то время В. П. Воронцов, находилась еще только в стадии формирования²⁹.

В заключение отметим, что вопрос об интеллигенции был для легальных народников “истинно-пробным камнем”. Все народники признавали наличие у русской интеллигенции особой исторической задачи. С этой точки зрения, В. П. Воронцов разрабатывал концепцию интеллигенции, близкую к идейным исканиям И. И. Каблицы-Юзова и Н. К. Михайловского. Оригинальность и новизна учения “В. В.” — обосновании им характера и значения практической деятельности интеллигенции на благо своего народа. Всерьез опасаясь насильственного насаждения в стране общественных форм, до которых народ еще не дорос, и видя в этом реальную угрозу их уродливого перерождения, В. П. Воронцов на протяжении всей своей общественно-политической деятельности отстаивал принцип: “все для народа и посредством самого народа”.

Не все идеи “В. В.” по поводу соотношения роли в новейшей русской истории бессословной (по исповедуемым идеалам) интеллигенции и народа как потенциальной движущей силы социального прогресса оказались востребованы современниками. Однако общая тенденция политического развития страны, заключающаяся в возрастании значения так называемой народной (крестьянской и рабочей) интеллигенции, на наш взгляд, была определена им достаточно точно. Не случайно практической разработкой этой проблемы в скором времени займутся и русские марксисты, и неонародники³⁰.

¹ *Wortman R.* The Crisis of Russian Populism. Cambridge, 1967. P. 160.

² См.: *В-н А.* [Пытин А. Н.] Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 725, 737, 741, 747, 749; *Тихомиров Л.* Что такое народничество // Русское обозрение. 1892. № 12. С. 911—926; *Михайловский Н. К.* О народничестве г. В.В. // Полн. собр. соч. СПб., 1907. Стлб.

680—681; *Гольцев В.* Еще о народничестве. (По поводу двух новых книг) // Русская мысль. 1893. № 10. С. 70; *Слонимский Л.* Наши теоретики народничества // Вестник Европы. 1893. № 11. С. 334—335; *Плеханов Г. В.* Обоснование народничества в трудах г. Воронцова В. В. Критический этюд // Соч. М.; Пг., [Б/г]. С. 69, 156, 185, 194, 267.

³ *Соловьев Е. А.* Очерки из истории русской литературы XIX в. СПб., 1907. С. 349. Ср.: Михайловский Н. К. Указ. соч. С. 680; *Русанов Н. С.* Н.К. Михайловский, как публицист-гражданин // Русское богатство. 1905. № 1. С. 172; *Чернов В. М.* Н.К. Михайловский как политический публицист // Социалистические этюды. М., 1908. С. 257; *Неведомский М.* Наша художественная литература предреволюционной эпохи // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1909. С. 21.

⁴ См.: *Станиславская А. М.* Народническая историография 70—90-х годов // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 195, 274; *Пустарнаков В.* Либеральное народничество // История философии в СССР. М., 1968. Т. 3. С. 290—293; *Лиоринцевич И. Г.* Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России. Л., 1978. С. 188—191; *Фирсов В. М.* Социальная философия либерального народничества (Воронцов В. П., Даниельсон Н. Ф., Каблиц И. И., Южаков С. Н.): Дис. ... канд. филос. наук. М., 1984. С. 75—90; *Филипов А. В.* Либеральное народничество и российский марксизм: (На материалах публицистики 80—90-х гг. XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. С. 64—73.

⁵ См.: *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 308; *Жвания Д. Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70—90-е годы XIX в.: В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 95, 101—103.

⁶ См.: *Дворкин В. З.* Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России. Л., 1989. С. 138—139; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество и Г. В. Плеханов (проблема интеллигенции) // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 48—51; *Харламов В. И.* Публицисты “Недели” и формирование либерально-народнической идеологии в 70—80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России. С. 172—173; *Малинин В. А.* История русского утопического социализма. Вторая половина XIX — начало XX вв. М., 1991. С. 223—225; *Зверев В. В.* Указ. соч. Раздел 4. Гл. 2; Раздел 5. Гл. 2; *Жвания Д. Д.* Указ. соч. С. 82, 87, 95—107.

⁷ См.: *В.В. [Воронцов В. П.]* Наши направления. СПб., 1893. Гл. 1: Сословный характер исторической интеллигенции.

⁸ *В.В. [Воронцов В. П.]* От семидесятых годов к девяностым: Сб. статей. СПб., 1907. С. 27, 40, 42, 155.

⁹ *В.В. [Воронцов В. П.]* “Милостивый критик” (А. Волгин. Основы народничества в трудах г. В.В.) // Новое слово. 1896. № 7. С. 46.

¹⁰ *В.В. [Воронцов В. П.]* Из истории нашего общественного развития / / Северный вестник. 1888. № 12. С. 135.

¹¹ *В. В.* “Милостивый критик”. С. 46.

¹² *В.В. [Воронцов В. П.]* Критик народничества // Русское богатство. 1893. № 4. С. 11; Он же. Наши направления. С. 25.

¹³ См.: *В.В.* Наши воспоминания. С. 25, 58, 68, 69, 83.

¹⁴ См.: В. В. Из истории нашего общественного развития. С. 117, 118; *Он же*. Наши направления. С. 133; *Он же*. Народничество, как общественно-политическое направление, — его исторические корни // Политическая энциклопедия. СПб., 1907. Т. 2, вып. 7. Стлб. 1018.

¹⁵ В. В. Наши направления. С. 66.

¹⁶ *Протопопов М.* Воинствующее народничество // Русская мысль. 1893. № 10. С. 252; Ср. *В-н А.* [*Пытин А. Н.*] Еще о теориях народничества // Вестник Европы. 1893. № 2. С. 770.

¹⁷ В. В. Наши направления. С. 102—103.

¹⁸ См.: *В.В.* Критик народничества. С. 21—26; *В.В.* [*Воронцов В. П.*] Очерки теоретической экономии. СПб., 1895. С. 255, 274—275; *Он же*. От семидесятых годов к девяностым. С. 24, 73, 101, 146, 194.

¹⁹ *Каблиц И. И.* Основы народничества. СПб., 1888. Ч. 1. С. 15.

²⁰ См.: *Лавров П. Л.* Исторические письма // Избр. соч. на соц.-полит. темы. М., 1934. Т. 1.

²¹ В. В. Наши направления. С. 107.

²² См.: *В.В.* От семидесятых годов к девяностым. С. 5—26 ; Возражения П. Л. Лаврова на статью В. Воронцова см.: Народное мирозерцание и социальная революция // Вперед! 1876. № 31. Стлб. 193—206.

²³ *В.В.* От семидесятых годов к девяностым. С. 25—26, 132, 171—174, 198; *Он же*. Направления. С. 56, 104—105; *Он же*. “Корни” народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 167.

²⁴ *В.В.* От семидесятых годов к девяностым. С. 169, 189, 194, 195, 201, 219, 235; *Он же*. Крестьянские волнения 1905—06 гг. // Современник. 1911. № 5. С. 230, 234; *Он же*. Русская революция и трудовой народ. Пг., 1918. С. 3, 4, 9.

²⁵ *В.В.* Критик народничества. С. 16—18, 23—24; *Он же*. Наши направления. С. 107, 108.

²⁶ *В.В.* Наши направления. С. 7, 117, 208; *Он же*. От семидесятых годов к девяностым. С. 57, 156.

²⁷ *В.В.* От семидесятых годов к девяностым. С. 21.

²⁸ Там же. С. 24, 69, 70, 95, 98, 107, 111.

²⁹ Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* В.П. Воронцов о развитии политического сознания крестьянства в период первой русской революции // Труды молодых ученых ВГУ. Воронеж, 1999.

³⁰ См.: *Ракитников Н.* Интеллигенция и народ // “Веки” как знамение времени. М., 1910. С. 312, 320; *Клейнборт Л.* “Русская мысль” и судьбы интеллигенции // Современный мир. 1912. № 10. С. 266, 271.

В. В. Денисенко

СПОСОБЫ УСТРАНЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ

Российское законодательство — сложное, многоотраслевое образование, в котором масса всевозможных различий, не-